

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Руденко К. А.* Поливная керамика Остолоповского селища XI–XII вв. в Татарстане7
- Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.* Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction..... 31
- Серегин Н. Н., Горбунов В. В.* Новые материалы раннетюркского времени из Северного Алтая47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бурнаков В. А.* Рыба в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ63
- Рыблова М. А.* Убогие, халаумные и обмершие в донской казачьей общине: статусы и функции.....78
- Петров Д. М., Прокопьева А. Н.* Захоронение «божества»: почитание особых покойников у якутов (на материалах памятника XVIII в. Буут Айыыта).....91

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Норкина Е. С., Колесов В. И.* Проблемы религиозной жизни горских евреев Северного Кавказа во второй половине XIX в. 111
- Шершнева Е. А.* Государственный контроль за благонадежностью мусульманского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в.125
- Дашковский П. К., Траудт Е. А.* Государственное регулирование религиозных процессов в национальных автономиях СССР в период «перестройки» (на примере Бурятской АССР) 140
- Сметанин Ф. А.* Мусульманская умма соборной мечети Иркутска 1990-х гг. в контексте десекуляризации..... 161
- Элбакян Е. С., Кравчук В. В.* Отношение студенческой молодежи к экстремизму и его профилактике в системе высшего образования РФ174

- ДЛЯ АВТОРОВ**194

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. I.</i> Glazed ceramics of Ostolopovo settlement (Tatarstan, XI–XII centuries).....	7
<i>Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.</i> Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction.....	31
<i>Seregin N. N., Gorbunov V. V.</i> New materials of the early Turkic period from Northern Altai	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Burnakov V. A.</i> Fish in the traditional worldview of the khakas: the image and symbol.....	63
<i>Ryblova M. A.</i> The poor, the wrongheaded, and the faint in the Don Cossacks community: statuses and functions	78
<i>Petrov D. M., Prokopenva A. N.</i> Honoring the departed: the reverence for exceptional deceased among the Yakuts (insights from the 18th-century burial site of Buut Aiiyyta)	91

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

<i>Norkina E. S., Kolesov V. I.</i> Religious life of mountain Jews in the North Caucasus in the second half of the XIX c.	111
<i>Shershneva E. A.</i> State control over muslim beneficency in Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries.....	125
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> State regulation of religious processes in the USSR national autonomies during “perestroika” (lessons from the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic).....	140
<i>Smetanin F. A.</i> Muslim ummah of the cathedral mosque of Irkutsk in the 1990s. in the context of desecularization	161
<i>Elbakyan E. S., Kravchuk V. V.</i> Attitude of students to extremism and its prevention in higher education.....	174
FOR AUTHORS	194

УДК 94: 572.028:28 (571.16)
DOI 10.14258/nreur(2024)2–10

Ф. А. Сметанин

*Иркутский государственный университет, Иркутск (Россия);
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск (Россия)*

МУСУЛЬМАНСКАЯ УММА СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ ИРКУТСКА 1990-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ

В статье приводится описание процесса формирования исламских структур после распада Советского государства. В качестве основной теоретической рамки выступает феномен десекуляризации. Он выражается в ряде тенденций, таких как возрождение религиозных верований и практик, возвращение религии в публичную сферу, сближение ранее секуляризованных институтов с религиозными нормами, как формальными, так и неформальными, и т. д. Рассмотрены вопросы деятельности мусульманского сообщества Соборной мечети Иркутска и складывания политической структуры на основе всероссийских религиозных организаций (муфтиятов). На начальном этапе восстановлением занимались местные жители из числа татарских активистов, воспринимая мечеть как объект национальной идентичности. Однако в дальнейшем дело по образованию мусульманского сообщества взяли на себя всероссийские религиозные организации. Процессы десекуляризации способствовали расширению полномочий имама и развитию мусульманских сетей в российском обществе. Конкуренция за ресурсы и за место имама послужила причиной дальнейшей независимости Иркутской Соборной мечети и образованию отдельной организации Байкальского муфтията.

Ключевые слова: ислам, мечеть, десекуляризация, Иркутск, религия

Для цитирования:

*Сметанин Ф. А. Мусульманская умма соборной мечети Иркутска 1990-х гг. в контексте десекуляризации // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 161–173.
DOI 10.14258/nreur(2024)2–10.*

F. A. Smetanin

Irkutsk State University, Irkutsk (Russia); TUSUR, Tomsk (Russia)

MUSLIM UMMAH OF THE CATHEDRAL MOSQUE OF IRKUTSK IN THE 90S. IN THE CONTEXT OF DESECULARIZATION

The article explores the emergence of Islamic structures following the disintegration of the Soviet state, framed within the concept of desecularization. This phenomenon is marked by various trends, including the resurgence of religious beliefs and practices, the reintegration of religion into public life, and the alignment of previously secular institutions with religious norms, both formal and informal. The study delves into the activities of the Muslim community at the Cathedral Mosque of Irkutsk and the establishment of a political framework through all-Russian religious organizations known as muftiates.

Initially, local Tatar activists played a pivotal role in the mosque's restoration, viewing it as a symbol of national identity. However, as desecularization progressed, all-Russian religious bodies assumed responsibility for guiding the Muslim community. These processes facilitated the empowerment of imams and the expansion of Muslim networks within Russian society. Competition for resources and leadership positions ultimately led to the increased autonomy of the Irkutsk Cathedral Mosque and the formation of a distinct entity, the Baikal Muftiate.

Keywords: Islam, mosque, desecularization, Irkutsk, religion

For citation:

Smetanin F. A. Muslim ummah of the cathedral mosque of Irkutsk in the 1990s. in the context of desecularization. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No. 2. P. 161–173 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)2–10.

Сметанин Федор Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, Иркутск (Россия); старший преподаватель кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск (Россия). **Адрес для контактов:** f-smetanin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0408-9845>.

Smetanin Fedor Anatolievich, PhD history, junior researcher at the research department of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); senior Lecturer at the Department of History and Social Work of TUSUR, Tomsk (Russia). **Contact address:** f-smetanin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0408-9845>.

Введение

Религия в виде постоянных социальных связей столкнулась с секуляризацией как атеизацией советского общества. Она выражалась в практиках запрета на деятельность

религии и полного вытеснения религиозных институтов из общественных отношений. Сама модерность европейского общества не столько отображала секулярные тенденции, а скорее «вытесняла религию из публичной жизни и заключала в приватное пространство» [Бергер, 2012: 12]. Особенность советского понимания секулярности в СССР (некоторые ученые выводят новый термин «советская секуляризация») заключалась в сокрытии своей религиозности, стремлении сделать религиозность общественным процессом. Как описывает Д. Узланер, ученые сформировали прозрачную и хорошо обоснованную (в рамках трудов К. Маркса и Ф. Энгельса) концепцию секуляризации, где «религия — это вредная иллюзия, препятствующая совершенствованию человека и общества, следовательно, процесс секуляризации — это часть общественного прогресса, способствующего развитию человека, его духовной свободе, развитию его интересов и способностей» [Узланер, 2010: 64]. Однако данная модель эмпирически получала все меньше подтверждений, а ее теоретический базис слабел. «Политический крах советского марксизма, логичной частью которого являлась советская модель, ознаменовал ее серьезнейший кризис» [Узланер, 2010: 68].

В постсоветском обществе началась обратная тенденция, связанная с восстановлением в правах религиозных организаций. В историографии складываются две терминологии исследований, посвященных религиозности в постсоветском обществе. Термин «постсекулярность» в историографии означает «ситуацию выбора, «точку бифуркации» при переходе к новой модели общества» [Цыплаков, 2017: 249]. К сожалению, этот термин не отражает постсоветскую модель включения статуса религии в общественные отношения между акторами, поскольку исключает значимость предыдущего (в данном случае советского) этапа религиозности. Больше подходит для описания процесса конструирования религиозного пространства термин «десекуляризация» (desecularization), понимаемый как увеличение влияния на пространство города религиозных институтов. Религия, в понимании В. Карпова, «восстанавливает свое влияние на общество в ответ на предшествующие и/или сопутствующие процессы секуляризации» [Карпов, 2010: 249].

«Процесс десекуляризации (по В. Карпову) «проявляется в сочетании некоторых или всех следующих тенденций: (а) сближение ранее секуляризованных институтов с религиозными нормами, как формальными, так и неформальными; (б) возрождение религиозных верований и практик; (в) возвращение религии в публичную сферу («деприватизация»); (г) возрождение религиозного содержания в различных подсистемах культуры, включая искусство, философию и литературу, и в упадке положения науки по отношению к возрождающейся роли религии в поддержании мира; (д) связанные с религией изменения в субстрате общества (включая демографические изменения, вдохновленные религией, переопределение территорий и их населения по религиозным признакам, повторное появление материальных структур, связанных с верой, увеличение доли товаров, связанных с религией, на общем экономическом рынке)» [Карпов, 2010: 250].

Десекуляризация в контексте постсоветского общества начала приобретать характер научной рамки сравнительно недавно. Дискуссии об увеличении числа верующих и об историческом возрождении религии возникли в начале 1980-х гг., когда стало

ясно, что представители религий будут активно бороться за свои утраченные позиции, а термин «секуляризация» начал подвергаться массовой критике [Узланер, 2008: 62]. В плане становления ислама как религиозной системы специалисты по изучению религий говорят о процессах, связанных с критикой общепринятого политического дискурса «о возрождении религии и религиозных институтов»: «В случае религиозного возрождения идет речь о «возникновении» религии в обществе, которое является объективно и субъективно секулярным, в нем проявления «жизни по вере» если не маргинализированы, то сконцентрированы на особых площадках, границы которым задает социальное воображение» [Кормина, Штырков, 2015: 9]. С этого ракурса процессы, связанные с десекуляризацией, нужно рассматривать в контексте пересмотра существующих границ между социальными полями религиозного и секулярного. В целом, современное общество описывается через потерю религией доминирующего статуса в мировоззренческой системе индивида, монополии на определение «иерархии смыслов» и ценностей, в результате чего индивид способен воспринимать теории, альтернативные каноническим религиозным парадигмам и поведенческим стратегиям [Шестопалец, 2021: 48].

Для более детального изучения локальных кейсов нужно отстраниться от дискуссии социального и исторического контекста «угнетения» религиозных форм в прошлом. Актуальности процессу десекуляризации добавляет тот факт, что в связи с возобновлением легитимности религиозных институтов началось формирование исламского пространства. Миграция и глобализация ускорили возникновение формального и неформального религиозного лидерства. Сейчас процессы десекуляризации инициируются религиозными институтами и теми акторами, которые заинтересованы в использовании традиционных образов. Человеческий фактор необходимо учитывать для описания поля, поскольку в увеличении десекуляризации или «возникновении» религии заинтересованы люди, вполне «секулярные», или светские, решающие свои политические или идеологические задачи. Такими примерами на территории Западной Сибири могут быть возникновение и регулирование конфликтов за право доминирования одного духовного управления над другим духовным управлением, конкурирование за ресурсы, приходы и т. д. [Дашковский, Шершнева, 2020].

В статье были использованы полевые материалы, собранные в Иркутске в 2019–2022 гг. Научная новизна исследования обусловлена тем, что в ходе работы привлекались источники, ранее не введенные в научный оборот. Это интервью с очевидцами событий, мусульманскими активистами и организациями, занимающимися восстановлением Соборной мечети. Кроме того, были проанализированы важные и уникальные документы из личных архивов респондентов, связанных с мечетью и татарскими национальными группами.

Описание деятельности мусульманских сообществ Иркутска

С конца 1980-х гг. в период «перестройки» для осуществления религиозных практик в Иркутске начали восстанавливать здание бывшей Соборной мечети, построенной в 1905 г. В городе на данном этапе не было специалистов в области религии и духовных знаний, чтобы организовать все необходимое для проведения религиозных практик, поэтому все функции на себя «брали местные жители, в ходе семейной жиз-

ни усвоившие порядок их проведения» [Бобров, Черепанов, 2017: 157]. Жители города воспринимали мечети как «исторические» памятники, постольку они считались частью «политики идентичности» мусульманских сообществ [Boender, 2018: 28]. Коллективная работа вокруг мечетей была результатом социального взаимодействия с целью упрочения «уз» мусульманского пространства [Nangkula, Nayeem, 2015: 372]. Мусульманские сообщества и религиозные лидеры стремились определить свои интересы как особой социально-религиозной группы меньшинства, воплотить свои идеи в законные требования и укрепить личные позиции в исламском пространстве на основе прав преемственности. Это также было связано с появлением национальных общественно-политических организаций, рассматривающих исламский фактор как важнейший компонент национального самосознания и необходимый атрибут в борьбе за суверенитет своего сообщества [Хайретдинов, 2006: 56].

Люди татарского происхождения, которые являются одними из первых мусульман на территории Иркутска, поселившиеся там в конце XIX в., построили деревянное здание Соборной мечети в 1897 г. Мусульмане появились в Иркутской губернии и как в результате выделения крестьянам свободных земель, и как «ссылные». Общее число татар по губернии к началу XX в. составляло 6435 человек, в том числе в городах проживало 926 человек, в округах — 5509. Статистические сведения по Иркутску за 1866 г. дают такую информацию: всего в губернии проживало 2402 мусульманина. Из них в городах — 186 человек, в Иркутске — 177 человек [Бобкова, 2009: 67]. В 1887 г. на имя купца Шайхуллы Шафигуллина был куплен земельный участок в 3-й части Иркутска на Саломатовской улице, на котором впоследствии татарские купцы построили первую мечеть Иркутска. По переписи 1897 г. сибирских татар (выделенных в отдельную группу) было указано 53 человека, в то время как всех татар в Иркутске проживало 766 человек. В 1902 г. в связи с увеличением численности мусульман рядом было возведено новое каменное здание мечети, а в здании старой деревянной мечети стало располагаться медресе. Кроме мужского училища, семья Шафигуллиных организовала на территории религиозного комплекса новометодную школу для девочек, которую Шафигуллины постоянно поддерживали и финансировали [Габдрафикова, 2020]. Мусульманские активисты татарского происхождения постепенно сформировали свое пространство для мусульман в мечети и на окружающей ее территории. Улица Саломатовская, называемая сейчас ул. Карла Либкнехта, была окраиной города, располагалась вблизи рынка и торговых рядов [ПМА-7].

В 1930-х гг. мечеть по прямому назначению не использовалась. Но здание мечети сохранилось и впоследствии было отдано средней школе. Здание мечети не было закрыто, но прекратила свое существование исламская школа и снесен минарет, выполненный в татарском традиционном стиле. С 1937 по 1947 г. в мечети располагался ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), размещался автоклуб. В 1947 г., после смягчения политики советского руководства по отношению к религиозным сооружениям и верующим, службы возобновились, но частично. До конца 1980-х гг. здание мечети принадлежало городскому отделу культуры, в нем не было серьезных реставрационных и ремонтных работ [Минарет на Саломатовской, 1998]. На обеденную молитву уже в то время приходили татары и другие мусульмане,

в том числе торговцы с рынка. Также они являлись основными жертвователями [На иркутской мечети раньше было два шпиля, 1997].

К началу 1990-х гг. мечеть находилась в аварийном состоянии. В это время у некоторых иркутских мусульман возрос интерес к национальной культуре и осмысление этнической и религиозной идентичности. Появление в 1991 г. татаро-башкирского национально-культурного центра [Бобкова, 2001: 55] следует рассматривать как проявление «возрождения» национальных традиций. Центр ставил перед собой задачи возрождения культурных традиций, в том числе религиозных праздников, родного языка, сплочения всех людей татарского происхождения, живущих за пределами Татарстана. Для некоторых татар появление культурного центра явилось побудительным моментом «возвращения к полноценному проведению» религиозных практик. Именно через самоидентификацию себя как отдельной этнической группы с определенными традициями и историей шло осознание национальной и религиозной идентичности: «Мы — татары, мы — мусульмане». Татаро-башкирский культурный центр важен с точки зрения оказываемой им помощи создаваемой религиозной организации — его члены активно участвовали во внутренних делах мечети, помогая с организацией жизни внутри и вокруг религиозного комплекса. Центр сотрудничал с аналогичными центрами в других городах России.

Деятельность мечети возобновилась с ее подчинением в 1991 г. Духовному управлению мусульман Омского муфтията. При содействии татаро-башкирского центра и активистов в 1996 г. начались реставрационные работы в мечети. Мусульманское сообщество мечети на тот момент было представлено членами централизованной религиозной организации — татарами и их имамом Рахимчой Улой Наdifом, высшим руководящим религиозным лицом в Иркутске. На ежегодных собраниях сообщества решались вопросы, связанные с деятельностью общины внутри мечети. Главной задачей имама, кроме координационных и административных функций, являлась «забота о правильном молении в мечети» [ПМА-10]. Руководивший мечетью Рахимча Ула Наdif был из числа пожилых татар, критиковавших нахождение молодежи в мечети, он сопротивлялся приезду имама из другого региона. После разбирательств, связанных с квартирой для приезжего имама и попыткой ее приватизации, что не понравилось национально-культурному сообществу татарских активистов¹, он был смещен с поста имама мечети.

После обустройства мечети, снятия ее с обеспечения городской администрации и передачи на баланс активных представителей мусульман в 1991 г., в ней временно не было имама или другой замещающей его кандидатуры. На должность имама претендовали два кандидата: один из них был приглашен татаро-башкирским центром из Казани для того, чтобы руководить местным мусульманским сообществом мечети. В связи с конкуренцией между Духовными управлениями ДУМАЧР и ДУМ Сибири (Омский муфтият) был выбран другой имам, из города Черемхово, из числа прихо-

¹ По свидетельству очевидца, пользуясь отсутствием постоянного муллы и тем, что его собственное жилье находится в аварийном состоянии, Р. У. Наdif въехал в служебную квартиру мечети, а через некоторое время оформил на нее именной ордер. Такова формальная причина конфликта между Татарским культурным центром и татарской же мусульманской группой, объединившейся вокруг мечети [Личный архив автора].

жан, который получил образование в медресе Мухаммадия (Казань) [Избран новый имам..., 1997; Долинин, 1997].

Первый считался у прихожан временным имамом, пока второй имам получал образование. После возвращения его в Иркутск из Казани должна была произойти смена руководителя. Однако члены мусульманской общины мечети не захотели проводить собрание, чтобы лишить первого имама его статуса. Произошло разделение мусульманской общины мечети на сторонников того или иного кандидата. Помимо позиции выбора между двумя кандидатами на пост имама, у мусульман имелись разногласия внутри общины [ПМА-6].

После местных выборов 1997 г. в духовную организацию мечеть возглавил местный татарин Фарид Мингалеев. С избранием официального имама подобные ситуации более не возникали, однако задачи по развитию и коммуникации между мусульманскими сообществами либо не решались вовсе, либо выносились на «совет общины», где последнее слово оставалось «за имамом». По информации собеседников, до момента официального избрания Ф. Мингалеева этот пост временно замещали председатели сообществ людей татарского происхождения. Их религиозные познания не слишком отличались от знаний других прихожан. В 1994 г. из Казани был приглашен мулла, но надолго в Иркутской мечети он не задержался. Причиной ухода стало то, что этот мулла был из числа казахов и плохо говорил по-татарски [ПМА-3].

Первые собрания, оказавшие влияние на сообщество мусульман в мечети, произошли в момент выбора нового имама в 1997 г. Ранее возникавший вопрос об избрании имама начал приобретать актуальность с новой силой, поскольку ставил под сомнение легитимность мечети, обходившуюся без официального религиозного лидера в течение шести лет. Согласно принятому ранее уставу местной организации «Мусульманская община г. Иркутска», зарегистрированной 11 июня 1991 г. [ПМА-4], должность имамам является обязательной. В 1999 г. в устав религиозной организации были внесены изменения, касающиеся членства в «совете общины». Если ранее не уточнялось гражданство и постоянное проживание имама в городе Иркутске, то в новой редакции такие изменения появились. Это автоматически лишало права голоса всех мигрантов, кто не имел российского гражданства или прописки в городе.

Поскольку в мечети есть совокупность людей татарского происхождения, в основном это старшее поколение, то они репрезентируют себя как хранители «традиционных исламских устоев». Собеседник для них рассматривается не как единоведец (с точки зрения религиозных качеств), а как обычный человек с его достоинствами и недостатками. В рассказах мусульман пожилого возраста можно услышать отзывы о том, что «имам, по национальности татарин, исповедует такой же принцип и для себя. Для людей татарского происхождения мечеть является фактором ностальгии по прошлому своих предков».

Поначалу организация «Местная мусульманская община г. Иркутска» находилась в подчинении Омского муфтията. Однако Совет ВКЦ ДУМ России и Совет муфтиев России установили, что муфтий Омского муфтията Зулькарнай Шакирзянов посещал в 1997 г. мечети Сибири, уговаривая их перейти под его юрисдикцию. В документе, выпущенным ВКЦ ДУМ России, говорилось, что Шакирзянов «вносил раскол в их дея-

тельность, а также противопоставлял одну общину другой, грубо вмешивался во внутренние дела приходов и вносил дезорганизацию в их деятельность» [ПМА-1]. Это было проявлением разногласий между духовными управлениями, в котором участвовали ЦДУМ России с его лидером Талгатом Таджутдином, и Совет муфтиев России, руководимым Равилем Гайнутдином. Совет муфтиев России сделал ставку на Нафигулла Аширова, и в октябре 1997 г. было решено отстранить З. Шакирзянова от должности муфтия и вывести его из состава Совета муфтиев России. Поэтому образовалось противостояние на местах, в том числе и в Омске, а также начался процесс устранения от власти сторонников ДУМ Сибири.

В конце 1997 г. состоялся «неформальный» переход мечети Иркутска в Тобольский муфтият [Силантьев, 2007: 90–91]. Тогда мечеть еще не была частью муфтията в юридическом смысле, договоренности об этом были исключительно словесные [ПМА-5]. В Иркутск приехали представители ДУМ Сибири и Дальнего Востока, впоследствии переименованного в ДУМАЧР (Духовное управление мусульман Азиатской части России. — Ф. С.) — шейх Нафигулла Аширов и его заместитель Абдулвахед Ниязов. В это же время проходили выборы имама. В процессе выборов выяснился интересный факт. Председателем совета прихода Мухаметшином Назифом Рахимшановичем в документе протокола приходского собрания было отмечено, что 21 ноября омский муфтий Зулькарнай Шакирзянов отменил прошлое решение общины от 16 ноября, где говорилось о выборе имама, и стал командовать уммой, не имея, как многим показалось, никаких прав. По прямому указанию муфтия Зулькарная Шакирзянова стал руководить делами мечети и общиной Дамир Хайбуллин, ставленник ДУМ Омского муфтията [Муфтий с собранием не согласился, 1997]. Они вместе с татарским мусульманским активистом Аминовым отстранили от власти председателя совета и самовольно разобрали перегородки в главном зале мечети, вскрывали урну для пожертвований и распоряжались находящимися в ней деньгами [ПМА-8]. Кроме того, шейх Нафигулла сообщил, что произошли коренные изменения в структуре духовных управлений. Было образовано Духовное управление мусульман Сибири и Дальнего Востока с центром в Тобольске. В связи с несогласием с действиями Омского муфтията, который не входил в ДУМ Сибири, Фарид Мингалеев при поддержке Н. Аширова на собрании «местной мусульманской общины г. Иркутска» предложил выйти из-под руководства Шакирзянова и перейти под «каноническое» управление ДУМ Сибири и Дальнего Востока [ПМА-8]. Решение принималось на основании того, что необходимо было решать вопросы, связанные с оснащением мечети. Руководители ДУМАЧР предложили в качестве помощи выделить учебную литературу на русском и татарском языках. Они также хотели помочь с ремонтными и реставрационными работами [ПМА-8].

Завершение процесса десекуляризации случилось после приезда из Москвы шейха Нафигуллы Аширова и Абдулвахеда Ниязова. На собрании общины было решено, что мусульмане Иркутска сами могут выбрать себе лидера — имама [ПМА-8]. Тогда при победе поддерживаемого кандидата ДУМАЧР Фарита Мингалеева произошел переход всех мечетей Иркутской области под общую юрисдикцию ДУМАЧР. Был составлен «фирман» — документальное подтверждение легитимности имама, его право на юрисдикцию и ответственность за мечеть [ПМА-2]. Сначала имам мечети образо-

вал казыят, т. е. местную религиозную общину. Однако после закрытия казыята в 2004 г. по решению суда [Централизованная религиозная организация мусульман «Байкальский казыят», 2020], в 2005 г. решено было образовать Байкальский муфтият — автономное региональное духовное управление.

Многие мусульмане этого события даже не заметили, поскольку оно широко не освещалось в СМИ и в других источниках. В муфтият вошли восемь общин Иркутской области — Залари, Тулун, Тайшет, Братск, Усть-Илимск, Усолье-Сибирское, Черемхово и Ангарск. Муфтият начал существовать как независимая религиозная организация, не входящая в состав ни одного всероссийского религиозного объединения. Причина отделения и автономии от ДУМАЧР и других религиозных организаций состояла в отсутствии поддержки с их стороны: не было обещанных книг и литературы, какого бы то ни было регулирования деятельности мечети и общины [ПМА-9: Е. Г].

Заключение

Иркутское религиозное поле, его мусульманское сообщество при мечети не стали исключением в общероссийском контексте десекуляризации, или становления новой религиозной общины. Это подтверждается результатами проведенного исследования: во-первых, процесс передачи религиозных центров проходил через инициативные группы людей татарского происхождения. «Образ татарского присутствия» начинает воспроизводиться как ключевой в восстановлении исламской структуры и обосновании легитимности имама при передаче власти на местах. Однако для отдельных представителей татар-мусульман только религиозной и национальной деятельности было недостаточно, а ресурсная база не позволила им поддерживать подобные инициативы постоянно. Во-вторых, к формированию структуры муфтията подключились активисты из числа городских мусульманских сообществ. Они способствовали быстрейшему назначению исламского лидера и оформлению окружающего городского пространства. В Соборной мечети Иркутска в результате конкуренции за социальный капитал имамом стал представитель мусульман из числа людей татарского происхождения. Получив единоличный контроль и фактически неограниченный объем ресурсов, официальный религиозный лидер стал формировать вокруг себя религиозное поле, социальную структуру и регулировать деятельность, связанную с мусульманами и исламом. Процессы десекуляризации способствовали расширению его полномочий и развитию мусульманских сетей в российском обществе.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22–78 10075 «Сравнительный анализ неформальных практик интеграции внутренних и трансграничных мигрантов в современных сибирских региональных столицах (на примере Иркутска, Красноярска и Томска), <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>».

Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant No 22–78 10075 “Comparative analysis of informal practices of integration of internal and cross-border migrants in modern Siberian regional capitals (using the example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk), <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>”.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8–20.

Бобров И. В., Черепанов М. С. Фрагментация религиозной власти в исламе (тюменский случай на рубеже XX–XXI веков) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2. С. 155–163.

Бобкова Г. И. Встретились на Сабантуе: хрестоматия. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. 55 с.

Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX — начало XX в.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 219 с.

Габдрафикова Л. Р. Как два брата из «Заказанья» построили в Иркутске первую мечеть и защищали всех мусульман города // Яндекс. Дзен. 2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/liliyagabdrafikova/kak-dva-brata-iz-zakazania-postroili-v-irkutske-pervuiu-mechet-i-zasciscali-vseh-musulman-goroda-5f631d411ccbe428a60cb163> (дата обращения: 28.12.2020).

Дашковский П. К., Шершнёва Е. А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 162 с.

Долинин Е. Верховный муфтий Сибири благословил иркутских мусульман // Восточно-Сибирская правда. 1997. 20 дек. URL: <https://www.vsp.ru/1997/12/20/verhovnyj-muftij-sibiri-blagoslovil-irkutskih-musulman> (дата обращения: 28.12.2020).

Избран новый имам Соборной мечети // СМ номер один. 21 ноября 1997.

Кормина Ж. В., Штырков С. А. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.

Минарет на Саломатовской // Восточно-Сибирская правда. 1998. 13 февр.

Муфтий с собранием не согласился // СМ номер один. 1997. 28 ноября.

На иркутской мечети раньше было два шпиля // СМ номер один. 1997. 24 сент.

Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России. М. : Алгоритм, 2007. 576 с.

Узланер Д. А. Секуляризация как социологическое понятие (по исследованиям западных социологов) // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 62–67.

Узланер Д. А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69.

Хайретдинов Р. Мусульманская умма России в межконфессиональном диалоге // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Н. Новгород, 2006. С. 55–59.

Централизованная религиозная организация мусульман «Байкальский казыят» // Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/id/8738647> (дата обращения: 28.12.2020).

Цыплаков Д. А. Российская постсекулярность: специфика изучения // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3. С. 242–250.

Шестопалец Д. В. Объективность и/или конфессиональность? Проблема «инсайдер и аутсайдер» // Религиоведческие очерки. 2012. № 3. С. 47–62.

Boender W. Urban Islam in the Nederland's: what mosques can tell. *Islamology*. 2018, Vol. 8, no. 1. P. 26–42.

Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework. *Journal of Church and State*. 2010, Vol. 52, no. 2. P. 232–270.

Nangkula U., Nayeem A. The Concept of Mosque Based on Islamic Philosophy. A Review Based on Early Islamic Texts and Practices of the Early Generation of the Muslims. 2015. P. 371–374.

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА-1. Выписка из решения Президиума Центрального духовного управления мусульман России (г. Уфа) а также отрешения из состава Совета муфтиев России (г. Москва) от 24 дек. 1997 г. Личный архив автора.

ПМА-2. Документ Фирман (одобрение) на право руководства мечетью (ДУМАЧР) в 1997 г. Личный архив автора.

ПМА-3. Записи начальника отдела общественных связей администрации г. Иркутска. Личный архив автора.

ПМА-4. Записка заместителю начальника Главного управления Министерства Юстиции РФ по Иркутской области. Иркутск, 2019. Личный архив автора

ПМА-5. Личные записи одного из очевидцев (г. Иркутск). Личный архив автора.

ПМА-6. Неформальный разговор между сотрудниками отдела межнациональных отношений областной администрации Иркутска от 4 марта 1996 г. Личный архив автора.

ПМА-7. Запись № 1. 19 июля 2019 г. Личный архив автора.

ПМА-8. Протокол приходского собрания мусульманского религиозного объединения Иркутской мечети по адресу К. Либкнехта, 86 от 14–15 дек. 1997 г. Личный архив автора.

ПМА-9. Запись беседы с респондентом 19 нояб. 2020 г. (Информант: Е. Г.) Иркутск. Личный архив автора.

ПМА-10. Ситуация вокруг Соборной мечети от 18 июня 2001 г., Иркутск. Личный архив автора.

REFERENCES

Berger P. Fal'sifitsirovannaia sekularizatsiia. [Falsified secularization]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2012, no. 2. P. 8–20 (in Russian).

Bobrov I. V., Cherepanov M. S. Fragmentatsiia religioznoi vlasti v islame (tiumenskii sluchai na rubezhe XX–XXI vekov) [Fragmentation of religious power in Islam (the Tyumen case at the turn of the 20th–21st centuries)]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2017, no. 2. P. 155–163 (in Russian).

Bobkova G. I. *Vstretilis' na Sabantue: khrestomatiia* [We met on Sabantui: a reader]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2001, 55 p. (in Russian).

Bobkova G. I. *Tatarskie obshchiny Irkutskoi gubernii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Tatar communities of the Irkutsk province (late 19th — early 20th centuries)] Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2009, 219 p. (in Russian).

Gabdrifikova L. R. *Kak dva brata iz “Zakazan'ia” postroili v Irkutske pervuiu mechet' i zashchishchali vseh musul'man goroda* [How two brothers from “Zakazanye” built the first mosque in Irkutsk and protected all Muslims of the city]. Yandex. Dzen. 2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/liliyagabdrifikova/kak-dva-brata-iz-zakazania-postroili-v-irkutske-pervuiu-mechet-i-zasciscali-vseh-musulman-goroda-5f631d411ccb428a60cb163/> (accessed December 28, 2020) (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. *Islam i imperiia: polozhenie musul'manskikh obshchin Zapadnoi Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Islam and the Empire: the situation of Muslim communities in Western Siberia in the context of state-confessional policy in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 2020, 162 p. (in Russian).

Dolinin E. Verkhovnyi muftii Sibiri blagoslovil irkutskikh musul'man [The Supreme Mufti of Siberia blessed Irkutsk Muslims. East Siberian Truth]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1997. 20 dek. URL: <https://www.vsp.ru/1997/12/20/verhovnyj-muftij-sibiri-blagoslovil-irkutskikh-musulman/> (accessed December 28, 2020) (in Russian).

Izbran novyi imam Sobornoj mecheti [A new imam of the Cathedral Mosque was elected]. *SM nomer odin* [SM number one]. 21 noyab. 1997 (in Russian).

Kormina Zh. V, Shtyrkov S. A. “*Eto nashe iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sia*”: *predystoriia postsovetsoi desekuliarizatsii* [This is our original Russian, and we can't get away from it': the background of post-Soviet desecularization]. *Izobretenie religii: desekuliarizatsiia v postsovetском kontekste*. [The invention of religion: desecularization in the post-Soviet context.] SPb., 2015. P. 7–45 (in Russian).

Minaret na Salomatovskoi [Minaret on Salomatovskaya]. *Vostochno-Sibirskaya Pravda* [East Siberian Truth]. 13 fevr. 1998 (in Russian).

Muftiy s sobranie ne soglasilsia [The mufti did not agree with the meeting]. *SM nomer odin* [SM number one]. 28 noyabb. 1997 (in Russian).

Na irkutskoi mecheti ran'she bylo dva shpilya [The Irkutsk mosque used to have two spiers]. *SM nomer odin* [SM number one]. 24 sent. 1997 (in Russian).

Silant'ev R. A. *Noveishaia istoriia islama v Rossii*. [Recent history of Islam in Russia.] M., 2007, 576 p. (in Russian).

Shestopalets D. V. Ob'ektivnost' i/ili konfessional'nost'? Problema “insaider i autsaider” [Objectivity and/or confessionality? The problem of “insider and outsider”]. *Religiovedcheskie ocherki* [Religious studies essays]. 2012, no. 3. P. 47–62 (in Russian).

Tsentralizovannaia religioznaia organizatsiia musul'man “Baikal'skii kazyat” [Centralized religious organization of Muslims “Baikal Kazyat”]. Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/id/8738647/> (accessed December 28, 2020) (in Russian).

Tsyplakov D. A. Rossiiskaia postsekuliarnost': spetsifika izucheniia [Russian postsecularity: specifics of study]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian humanitarian journal]. 2017, vol. 6, no. 3. P. 242–250 (in Russian).

Uzlaner D. A. Sekuliarizatsiia kak sotsiologicheskoe poniatie (po issledovaniyam zapadnykh sotsiologov) [Secularization as a sociological concept (according to the research of western sociologists)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2008, no. 8. P. 62–67 (in Russian).

Uzlaner D. A. Sovetskaia model' sekuliarizatsii [Soviet model of secularization]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2010, no. 6. P. 62–69 (in Russian).

Khairtdinov R. *Musul'manskaia umma Rossii v mezhkonfessional'nom dialoge* [The Muslim Ummah of Russia in interfaith dialogue]. *Forumy rossiiskikh musul'man na poroge novogo tysiacheletii* [Forums of Russian Muslims on the threshold of the new millennium.] Nizhniy Novgorod, 2006. P. 55–59 (in Russian).

Boender W. Urban Islam in the Nederland's: what mosques can tell. *Islamology*. 2018, vol. 8, no. 1. P. 26–42 (in English).

Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework. *Journal of Church and State*. 2010, vol. 52, no. 2. P. 232–270 (in English).

Nangkula U., Nayeem A. The Concept of Mosque Based on Islamic Philosophy. [A Review Based on Early Islamic Texts and Practices of the Early Generation of the Muslims]. 2015. P. 371–374 (in English).

Статья поступила в редакцию: 30.11.2023

Принята к публикации: 25.03.2024

Дата публикации: 28.06.2024